

12+

книга себе в подарок

МИЛА СЕРЁЖИНА

ПОЕЗДКА В ПЕТЕРБУРГ

повесть о любви и семейных узах

Мила Сережина

**Поездка в Петербург. Повесть
о любви и семейных узах**

«Издательские решения»

Сережина М.

Поездка в Петербург. Повесть о любви и семейных узах /
М. Сережина — «Издательские решения»,

Эта книга — теплое напоминание о важности семьи, семейных традиций для каждого человека. Воспоминания, эмоции, тепло и душевная близость объединяют героев. Автор показывает, что образованность и интеллигентность являются нормой в современной жизни. Случайные, порой даже мимолетные встречи, сближают героев в течение многих лет. И никто из них не предполагает, что все они пересекутся в одной точке мира и в одно время.

© Сережина М.

© Издательские решения

Содержание

Мила Сережина	6
Глава 1. Благоухание образованности	7
Глава 2. Основатели рода	15
Глава 3. Семейный совет. Триклиний	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Поездка в Петербург

Повесть о любви и семейных узах

Мила Сережина

© Мила Сережина, 2026

ISBN 978-5-0070-5786-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мила Сережина
Поездка в Петербург
Повесть о любви и семейных узах

*Моей любимой семье в память о моих родителях
Как хорошо быть дома!.. Нет нигде другого такого места где-либо в
мире.*

Рэй Дуглас Брэдбери

Глава 1. Благоухание образованности

Был ли прав Лев Николаевич Толстой, утверждая, что все счастливые семьи похожи друг на друга? Анна закрыла книгу, отложила ее в сторону. Ей часто хотелось найти объяснение этой загадочной фразе. Она четко осознавала, что такое быть счастливой в ее личном понимании: ценить все то, что она имеет в каждый момент своей жизни, и всегда стремиться к самосовершенствованию. Девушка знала, что такие же взгляды на счастье и у ее близких: они часто обсуждали воскресными вечерами то, чего достигли, то, чему были благодарны в жизни, и, конечно, строили планы на несколько шагов вперед, потому что всегда видели множество возможностей в своей жизни для саморазвития и укрепления семейных уз.

А судьи кто? От этой мысли Анна слегка нахмурилась. Ей, двадцатилетней аспирантке дипломатической академии, первого года обучения, в обычной жизни всегда казалось странным и неприятным, если кто-то сам брал на себя роль судьи. Однажды она прочитала статью в одном психологическом журнале о существовании в обществе «ложных судей». Автор статьи размышлял на тему, почему часто люди считают свои оценочные суждения действительными не только для себя, но и для других людей. «Судьи без судейской мантии» — так окрестил автор статьи этих людей.

Анна понимала, что изменить мир она никогда не сможет, как учит целая армия мудрейших из мудрейших, чьи голоса звучат сквозь века. Меняйте свое отношение к услышанному, к увиденному, к прочитанному — советуют и современные гуру. Однозначно верно, считала девушка, однако осознавала, что это не ответ на вопрос, а это принятие собственной позиции по отношению к таким судьям без судейской мантии.

Поэты и писатели часто пишут о семейном счастье, но видят его по-разному. Каждый из них исходит из личного взгляда на мир и собственной трактовки понятия «счастливая семья». Часто считают счастье не ценностью и благодарностью за то, что имеешь, а за счастье принимают личные чувства, качественные характеристики отношений: и любовь, и доброту, и терпение, и откровенность, и отзывчивость. Анна понимала, что каждый человек уникален, и именно поэтому была уверена в том, что никто не вправе судить другого человека только потому, что он так думает, что это его ценности.

В семье Анны считали аксиомой, что семья для человека — это островок безопасности, уюта, добра, уважения и счастья. Такое представление о семье чаще всего проходит красной линией и в литературе большинства стран мира. Но есть и произведения, где семейные отношения — это не добрые отношения, а «больные», и, к сожалению, популяризация таковых не приносит пользу, как образец архитектуры семьи не созидательной, а разрушающей. Но мир построен именно на семье, где формируется личность, где на первом месте — уважение и любовь, понимание и «услышание» друг друга, где семейные узы скрепляют всех членов семьи в единое целое.

Только в семье, построенной на здоровых отношениях, утверждаются нравственные ценности и созидательные принципы, а образование осмысливается как путь воспитания и обучения, на котором старшее поколение становится примером для младшего, помогая ему со временем обрести ту же зрелость.

Все наследие мира, оставленное предыдущими поколениями, служит этой самой важной цели — ценности семьи, образования, духовности.

Анна нежно погладила ладошкой темно-синюю кожаную обложку книги с необычно деликатным тиснением, которая лежала рядом. Затем медленно перевела взгляд на стоявшую рядом с книгой изящную рамочку. На вставленном в рамочку листе красивым почерком бабушки Елены Максимовны были выписаны слова: «Принадлежность к избранному кругу

людей благовоспитанных и отличающихся изяществом, блеском, и, так сказать, благоуханием образованности. Петр Андреевич Вяземский». Как мудро, искренне красиво и ясно!

Анна часто думала, почему из огромного количества цитат об образовании бабушка выбрала именно эту и подарила Анне в тот день, когда она стала студенткой дипломатической академии. По традиции она позвонила сначала бабушке Елене Максимовне и дедушке Роману Михайловичу и прочитала приказ о своем зачислении в академию. И уже вечером, в теплый августовский день, когда вся семья собралась на даче, бабушка вручила внучке этот подарок. Важность образования в семье — это тот маршрут человека интеллигентного и образованного, который шел через все поколения. Но девушке важно было понять мотивы бабушки, и однажды, когда они коротали вечер у камина на даче вдвоем (дедушка еще работал в своем кабинете), Анна спросила у бабушки, которая сидела с ней рядом на уютном диване, об этом.

Бабушка с особой мягкостью в глазах посмотрела на внучку:

— Любимая, я чувствовала, что ты обязательно спросишь меня об этом. Твой первый взгляд на меня, когда ты прочитала в тот августовский вечер написанное в рамочке, ясно мне дал об этом понять. И я рада, что ты меня сегодня спросила. Это же только мое мнение и понимание этих слов, но я вижу, как они важны и для тебя, Анюточка. И мне это искренне приятно и важно, — огромные голубые глаза бабушки светились молодо и счастливо.

Анюта с благодарностью погладила теплую бабушкину ладошку и прижала ее к своей щеке. Это был особый жест благодарности и уважения Анны к бабушке Елене.

— В «Записных книжках» Петра Андреевича Вяземского, первоначально изданных еще в царской России, случайно встреченных мной на полке в университетской библиотеке, я прочитала эти слова. Залпом, в один вечер прочитала всю книгу. Утром книгу надо было нести в библиотеку, потому что она числилась в фондах читального зала, где книги выдавали домой только на ночь. Уже светало, когда я завершила, и мы с дедушкой пошли в университет. В этот день впервые в жизни я прогуляла занятия, просидев в университетской библиотеке с этой книгой, выписывая цитаты. Дедушка на занятиях трудился за двоих, долго уговаривал старосту не отмечать мое отсутствие в журнале. Чтобы убедить его в том, что я не просто не пришла на лекцию, а занимаюсь в библиотеке, он даже привел его ко мне, — очаровательные глаза бабушки в этот момент лучились счастьем и глубоким уважением к дедушке, — но староста был суров и справедлив. Это был мой единственный прогул в жизни.

Для Анны отношения бабушки и дедушки, мамы и папы, их взаимное уважение друг к другу всегда были образцом надежной и доверительной семьи. Она мечтала, чтобы и в ее собственной семье продолжались те же добрые и уважительные отношения, где супруги смотрят на мир глазами друг друга, где царят доверие и взаимная поддержка.

— Да, Анюточка, именно эта цитата произвела на меня самое большее впечатление именно той новизной в признании важности быть человеком образованным, через сочетание «благоухание образованности». Я ведь даже на одной из студенческих конференций выступала с докладом по этой теме. Мой доклад имел феерически восторженный успех, я не шучу, любимая. Наши студенты стремились к образованию, и высшее образование получали как желание стать человеком с большой буквы, а не просто ради получения диплома для чего-то карьерного. Мне кажется, что у нас и в мыслях такого не было. Каждый из нас мечтал быть не просто образованным человеком, но и интеллигентным.

Один из наших знакомых студентов до поступления на наш факультет уже окончил Тартуский университет и вдохновенно рассказал нам о Юрии Михайловиче Лотмане, своем любимом преподавателе этого университета, о его взглядах на интеллигентность.

— Бабуля, — Анна воспользовалась той паузой, которую выдержала бабушка, внимательно посмотрев на книги, лежащие на журнальном столике перед диваном, — я видела в интернете лекции Лотмана, это, наверно, тот самый?

— Да, любимая, мы с дедушкой постоянно пересматриваем эти лекции — прекрасное сокровище человеческой мысли. Посмотри, любимая, эти записи надо слушать и в школах, и в университетах, — бабушка быстро подошла к столику, взяла самую последнюю книгу из аккуратной стопочки на краю стола и принесла ее. Анна увидела внизу на обложке название «Культура и взрыв».

— Это последняя прижизненная книга Юрия Михайловича. Искренне признательна тем издательствам, которые такие книги издают и в наши дни. Должна сказать, что это бывает не так часто, как многие любители книг этого желают. Я и сама прочитаю иногда в электронном виде книгу какого-либо автора, но купить ее не могу, не переиздается. Хорошо, что есть сегодня возможность напечатать такую книгу «по требованию». Сама знаешь, Анюточка, уже целая полка таких книг у дедушки в кабинете стоит, и совсем не представляю, если бы такой возможности у нас не было, — бабушка сохраняла истинное спокойствие и улыбку на лице, как обычно, даже в таких случаях, когда что-то идет не так, как бы хотелось.

— Вот так и прониклась я чувством особенного уважения к этой фразе «благоухание образованности». Мы в своей студенческой компании часто рассуждали на эту тему. Одни считали, что это свидетельство богатой речи человека, это точное выражение мысли словами; другие говорили, что это манера поведения человека, уважение им личного пространства других; а еще были мнения, что это независимость и свобода на собственное мнение, но с ответственностью за свои действия и слова, а также умение находить красоту во всем окружающем.

— А ты бабуля, что ты сама думала и думаешь сейчас? — Анна видела, что взгляд бабушки устремился куда-то внутрь себя, как обычно только она умела это делать.

— Знаешь, моя красавица, это и понимание безбрежности непознанного, это и понимание мотива поступков других людей, это и способность воспринимать и сопереживать, это и умение видеть объемную картину мира, это и уважение к каждому человеку и миру в целом. Именно все это и помогло мне глубже понять смысл выражения «благоухание образованности».

— Спасибо, бабуля. Ты у нас лучшая!

— А никто и не сомневается, Анюточка! — голос дедушки Романа, спускающегося по лестнице, мгновенно изменил обстановку.

— Вот, любимая, а спроси теперь и своего гениального дедулю, — с особой лаской в голосе и восхищенной улыбкой на лице прозвучал голос бабушки.

— Слышал, слышал, мои любимые девочки. У меня точно есть особое, как всегда, мнение, но не отличное от бабушкиного по сути. Но могу только дополнить, соглашаясь со своей любимой Леночкой. Благоухание образованности — это еще и умение сложное сказать простыми словами, но, должен сказать, без накопленного культурного капитала — знаний, традиций и ценностей — это невозможно.

— Дедуль, а уметь слушать и слышать человека — это тоже благоухание?

— Однозначно, моя красавица! И знаешь, я бы еще одно, имеющее принципиальное значение, выделил в этом вопросе: часто люди цитируют известных и неизвестных людей, и это прекрасно, много мыслей уже сказано, но если говорить о человеке с благоуханием образованности, то только о таком, который это делает не для того, чтобы блеснуть, а потому что строка пришла к нему из глубины самого сердца, — дедушка сел на диван рядом с внучкой.

— Дедуля, я обожаю тебя, ты всегда чувствуешь самую суть вопроса. Вы с бабулей мои семейные мудрецы! Я люблю вас, мои золотые! — девушка обняла одной рукой дедушку, другой — бабушку.

Бабушка Елена и дедушка Роман были выпускниками факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова — Института стран Азии и Африки. Полученное образование служило им возможностью видеть мир в своем разнообразии. Знание нескольких иностранных языков стало для них воротами в погружение особенностей разнообразия

разных мировых культур. Для Анны они всегда были образцом истинной интеллигентности и образованности.

Девушка часто с удовольствием и особой нежностью вспоминала свои разговоры с дедушкой и бабушкой. Это был непревзойденный опыт общения мудрости, образованности и искренности. Их жизненный опыт, знания и доброта вселяли в девушку уверенность и наполняли ее позитивными эмоциями. Она вспоминала эти восхитительные моменты диалогов и бесед с благодарностью, а ее сердце наполнялось теплом, нежностью и любовью к бабушке и дедушке.

Анна взглянула на часы: на даче ее семья сейчас ужинает. Представила, как сейчас там уютно и тепло: пахнет пирогами, на столе фрукты и овощи с дачного огорода, соленья и варенья, приготовленные бабушкиными и дедушкиными руками, а в центре стола всегда традиционно возвышалась ваза на высокой ножке с особенно любимым в семье «Царским изумрудным вареньем» из крыжовника. Его готовили по особому рецепту: основой варенья служил настой из вишневых листьев, благодаря которому варенье обладало не только изумительным ароматом, но и красивым изумрудным цветом. Ягоды в нем получались полупрозрачными, сочными. А также по краям стола всегда ставили по кружевной корзинке яблок. Девушке неожиданно показалось, что сейчас здесь, в городской квартире, комнату заполняет сильный, пряный аромат яблок любимого сорта дедушки — Антоновка.

Она снова перевела взгляд на зеркало во всю стену. Из зеркала на нее смотрела домашняя милая девушка с уложенными с утра волосами, как говорил дедушка, цвета шоколадного бархата, чуть ниже плеч, с нежной белоснежной кожей и едва заметным румянцем на щеках. Оливковые глаза блестели от удовольствия редкого одиночества, приятных воспоминаний и мечтах о желаемом. Анна поднесла руку к волосам, пригладила выбившиеся несколько прядок. Взяла в руку телефон, пробежала по экрану взглядом, увидела сообщения в «ВКонтакте»: с утра целых сто. Механически отключила телефон и похвалила себя: молодец, есть привычки у каждого человека, от которых он в один миг решает избавиться. И это была ее маленькая победа, которой она искренне гордилась перед самой собой. Вечером в пятницу сообщений в социальных сетях Анна не читала.

В правой тумбочке стола в нижнем ящике в белой прозрачной папочке лежал договор с собой, написанный в канун Нового года ею же, самостоятельно, от руки, любимой ручкой с черной пастой, подаренной самым любимым человеком на земле. Папочка потому и была выбрана прозрачная, чтобы, увидев ее, Анна сразу же могла прочитать весь написанный текст. К письменному договору с собой она пришла после чтения дневников русского и советского писателя Михаила Михайловича Пришвина. Его рассказы о природе и животных ей часто читали в детстве, и, когда однажды в библиотеке академии ей попал на глаза один из томов дневников Пришвина, она решила просто почитать. Однако оказалось, что и в дневниках было много записей о природе и животных, но в то же время и много описано ситуаций организации жизни самого писателя. Вот тогда девушка и заключила с собой договор на отказ от нескольких привычек, которые она сама считала непродуктивными, и была уверена, что совершенствование себя возможно не только через приобретение новых привычек, но и через отказ от тех, которые тормозят продвижению к цели по выбранному маршруту.

Анна посмотрела на большое, до пола, окно. Бежевые портьеры еще спокойно покоились по бокам окна, нижний край красиво лежал на полу. За окном уже вечерело: мягкий оранжево-фиолетовый свет с проблесками освещал небольшие тучки на лиловато-сиреновом бархатном звездном небе. Но тучки постоянно находились в движении, как будто почувствовали на себе дыхание приближающегося ветра. Комната медленно и, как показалось девушке, лениво погружалась в вечернюю негу, когда только-только тронутые бледно-розовыми мягкими лучами еще не зашедшего за тучи солнца на шторах начинали вырисовываться ветки большого дуба. Анна всегда сравнивала этот старый дуб у дома под окнами их квартиры с дубом из фильма «Война и мир» по роману Льва Николаевича Толстого, когда писатель опи-

сывает его величие и олицетворенное обновление на второй встрече Андрея Болконского с дубом.

Этот уникальный дуб рос у дома семьи Анны, как говорят старожилы, с незапамятных времен. Девушка слышала, что, когда планировали строить этот дом, было принято принципиальное решение: дуб, как раритетную гордость города, не трогать. Анна помнила с детства рассказы об этом дубе от бабушки и дедушки. Студентами они часто встречались по вечерам всей своей компанией под этим дубом. Кто-то из жителей недалеко расположенных деревянных двухэтажных домов, которые сегодня уже снесены, соорудил из подручного материала рядом с деревом простые скамейки без спинок, а молодежь облюбовала это место для встреч. Слушали музыку, танцевали, обсуждали последние события в городе и мире, прочитанные книги, открывающиеся выставки, кинофильмы в кинотеатрах. Но приходит время перемен, меняется облик города и старых домов, и дворов. В альбоме у бабушки и дедушки сохранилась одна-единственная фотография, где они вдвоем на этой самодельной лавочке под развесистым дубом — молодые и счастливые. Каждый раз, когда находилась на даче, Анна любила рассматривать старые альбомы и всегда в первую очередь открывала альбом с этой очаровательной и вдохновляющей фотографией.

Девушка мягко потянулась и легко соскользнула с уютного кресла, словно погрузилась в тишину комнаты. Ноги мягко почувствовали теплоту тапочек-сабо, в которые так быстро уже успели устроиться ее маленькие ножки. Протянула руку к столу, нажала на кнопку изящной настольной лампы, подаренной в прошлом году дедушкой и бабушкой, мягкий свет остался только на стене от бра у кровати.

Анна открыла дверь своей комнаты, привычка работать за закрытой дверью была у нее с той поры, когда она пошла в школу. Тогда ей казалось, что она стала взрослой, ученицей, и этот нежный мир ее обитания никто нарушать без ее разрешения не может. Тишина коридора оглушила девушку, словно квартира была пуста и одинока. Так было всегда, когда родители с братом Вадимом уезжали на дачу в пятницу. Если у брата в школе была пятидневка, и он с удовольствием выходные проводил с родителями на даче у дедушки с бабушкой, то в ее академии, когда она была еще студенткой, занятия в субботу были именно у «международников-гуманитариев», да ко всему и по четыре пары. Но и сейчас на первом курсе аспирантуры основные занятия у нее были именно в субботу.

Анна еще студенткой на третьем курсе выбрала специализацию по международному гуманитарному праву. Объяснить сегодня даже себе, почему именно эту специализацию она выбрала, было с первого раза не совсем и просто, но со второго — абсолютно просто и ясно: надо быть честной в этой ситуации, на это повлиял выбор научного руководителя, преподавателя кафедры международного гуманитарного права Татьяны Григорьевны Чаховской, человека в академии самого интеллигентного и образованного, что в студенческих кулуарах было признано однозначно. Именно о таких людях в России XIX века говорили, как у Петра Андреевича Вяземского в его записных книжках: они отличаются изяществом, блеском и благоуханием образованности.

Какое это очаровательное созвучие — «благоухание образованности»! А может ли она, девушка XXI века, говорить о людях точно так же? Все ее близкие получили образование в вузах страны, воспитывались в семьях, где ценились образование, нравственность, личность. Но она никогда не задумывалась о близких, как о людях с «благоуханием образованности». Сегодня она понимала, что совсем зря, даже несправедливо. Всегда человеку кажется, что это было где-то там, далеко, в другое время, с другими далекими людьми. Девушке захотелось погрузиться в феномен этого явления, но тут же решила, что об этом она обязательно еще подумает, как думала она еще в подростковом возрасте точно так же, как ее любимая Скарлетт из романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». Правда, иногда девушка признавалась самой себе, что давала себе «слабинку подростка», когда дела не были первоочередной важ-

ности. Но вкусы меняются, и сегодня у нее уже другие герои и кумиры, которые дела не любят откладывать и живут здесь и сейчас. И она всегда знала, что ее родные, интеллигентные люди в полном понимании этого значения для нее, с той изысканностью образования, которое она точно может характеризовать понятием «благоухание образованности».

Анна ценила тот образ жизни, который был в ее семье. С детства она, а затем и Вадим, жили в атмосфере уважения к себе, к людям и ко всему, что их окружало. Бабушка Елена часто повторяла, что все важное между людьми происходит из чувства уважения друг к другу. Любовь — важное чувство в жизни, несмотря на то, что каждый понимает это чувство по-своему. Анна особенно поняла это, когда прочитала лет в шестнадцать роман Эмили Бронте «Грозовой перевал», а затем «Цитадель» Арчибалда Кронина. В них слово «любить», «любовь», встречаются часто, однако нет элементарного уважения людей друг к другу, к их интересам, принципам и свободам. Анна называла именно такие отношения «больными» отношениями. Для девушки понимание семьи всегда строилось на уважении к каждому ее члену, как было в их семье, где во всем достигалось взаимопонимание.

На первом курсе на лекции она услышала слова, приписываемые в разных источниках Геродоту, древнегреческому историку, о том, что если не высказываются противоположные мнения, то не из чего выбирать лучшее. Именно через эти согласования учета мнения каждого в их семье был единственный маршрут от точки начала до точки финиша при принятии любого решения, однако с использованием тех индивидуальных средств, которые не ущемляли интересы других.

Уважение всегда первично в семейных отношениях, считал и дедушка Роман. Он был уверен, что многие из его друзей потеряли свои первые семьи, созданные еще в юности, в студенческие годы, именно из несформированного в детстве чувства уважения к другому человеку. Уважать — это ежедневный труд, даже уже при сформированном чувстве, а те, кто не награжден этим даром, во всех своих проблемах винят только другого человека.

Чувство уважения можно сформировать — и в этом были уверены и бабушка с дедушкой, и родители Анны — только образом жизни старшего поколения в семье. Анна на втором курсе при подготовке курсовой работы по педагогике прочитала работу Карла Густава Юнга о значении родителей для судьбы ребенка, написанную еще в начале XX века, где встретила слова о том, что дети воспитываются бессознательным, нравственным поведением родителей, гораздо меньше — их осознанными речами и благими намерениями. И после прочитанного записала в своем тексте курсовой как заключение: неважно, что говорят воспитатели, важно, что делают сами и какими принципами при этом руководствуются.

Девушка часто возвращалась к своему детству, такому уютному и теплому, которое наполнило ее жизнь красотой мира, прекрасными встречами с людьми, книгами, добрыми впечатлениями от путешествий, знакомством с миром искусства, достопримечательностями, созданными руками людей всего мира. Ее детство было обогрето золотом солнечных лучей, добрыми руками близких, заботой, любовью и уважением. Сейчас девушка понимала, что та атмосфера семьи, которая в их родословной формировалась веками, уважение к знаниям, творчеству, успеху и, самое главное, к самосовершенствованию через самообразование, стали основой и ее мировоззрения и мироощущения. Теперь уже они с Вадимом станут проводниками этого состояния «благоухания образованности» и в своей жизни следующим поколениям их семьи.

Детство — как важный период жизни каждого человека — стало для Анны стартом в самостоятельную жизнь через уважение и незабываемое очарование «погоды детства». У поэта Варлама Тихоновича Шаламова есть прекрасное стихотворение «Я забыл погоду детства», о котором она узнала от своего испанского друга, когда тот однажды принес ей в подарок небольшую книжечку стихов этого поэта. В памяти автора остались «васильковые дороги в красном солнце детских дней, запах ягоды-кислицы, можжевельниковых кустов».

Девушка с тех пор в памяти всегда сохраняет свою «погоду детства»: улыбки и забота любимых, семейные традиции, вечера общения с родными, книжные полки с ароматом типографской бумаги, запах пионов и жасмина на даче, Красная площадь, Воронцовский парк, поездки на Средиземное море в Испанию и Францию...

Анна задумалась: почему она так часто вспоминает детство? А все лучшее у нее сегодня было из детства, в этом она даже не сомневалась. Именно детские годы — годы восторга и огромного количества вопросов: «Это что? Это кто? Зачем? Почему? Для чего?». Детские годы — это ощущение постоянного счастья, желания охватить все на свете одним махом: все прочитать, все послушать, все услышать, все понять, все попробовать, все посмотреть. Это как ее личный киножурнал «Хочу все знать!»

Огромное собрание книг из подписной серии «Хочу все знать» по различным вопросам в их домашней библиотеке, где каждый новый том Анна открывала с таким волнением и нетерпением, в ожидании чуда, которое удивит, раскроет тот новый мир людей, фактов, вещей, фауны и флоры. Все книги этой серии сегодня самые востребованные и у ее брата Вадима, однако и сама девушка часто открывает эти теплые от воспоминаний томики и читает знакомые почти наизусть главы.

А подписная серия книг «Библиотека всемирной литературы» из 200 томов в шкафу у бабушки и дедушки! Это не просто набор книг, а целый мир, который открывает каждому читателю уникальные возможности: перед ним не случайные произведения, а золотой фонд мировой литературы. Библиотека собрала все лучшее, что создало человечество за всю историю письменности. Коллекция открыла для Анны целостность мира, диалог веков и народов, помогла духовно обогатиться: понять свои корни. Обладание этой библиотекой давало семье Анны ощущение причастности к великой культуре, к истории своей семьи и страны.

Символ этой серии книг — крылатый конь Пегас, мифическое существо-гибрид, любимец муз. Анна полагала, что символ этот был выбран неслучайно, потому что во многих словах разяснялось, что с античных времен Пегас считался олицетворением поэтического вдохновения и красноречия. Пегас воспринимался как олицетворение превосходства духовного над материальным, стремлением к творчеству.

Выбор символа для Библиотеки мировой литературы, как считают специалисты, оказался очень точным: древний символ поэзии Пегас был объединен с современной идеей глобальности (земной шар) и создал запоминающийся образ, который символизировал о высоком предназначении этой многотомной книжной серии, которая сегодня не просто украшала семейную библиотеку, но и была базовой для знакомства с величием мира литературы и талантом человечества.

Для Анны Пегас стал символом магии чтения и любимым созвездием на небе. Она прочитала в энциклопедии, что невооруженным взглядом в этом созвездии Северного полушария звездного неба можно видеть 166 звезд. Кто-то скажет невозможно, но у дома, в котором они жили до переезда, был номер 166, а сегодня семья Анны живет в квартире номер 166.

Через чтение Анна всегда находила для себя то ценное, что давало ее мироощущению чувство уверенности и оптимизма, помогало оценивать все то, что происходит вокруг, с точки зрения своих ценностей. Но были и моменты, когда она в героях находила и себя, не как героя книги, но как человека, который находит определенные решения вопросов, стоящих перед ней, когда поступки героев и ее поступки совпадают с точки зрения личных идеалов и ощущения окружающей действительности. Это высший момент познания и совершенствования личного миропонимания, который выражается в тех же чувствах и настроениях, как и у героев книг.

Анну особенно затрагивали книги, где все — от нюансов описания вещей и явлений до чувств и поступков как авторов, так и героев — совпадало с ее внутренним миром. Она часто вспоминала разговор бабушки и дедушки, услышанный несколько лет назад на даче вечером у камина, вокруг которого они втроем расположились на уютных креслах. У Анны были пер-

вые студенческие каникулы после отлично сданной сессии. Трещали и вздрагивали дрова. У всех троих в руках были книги. Неожиданный голос дедушки Романа, правда, мягкий, словно падающий, чтобы не нарушить тишину в комнате:

— Родная, Герман Гессе считал, что человечества и истории не существовало бы без слова, без письменности, без книг.

Тихая пауза, треск дров в камине, кажется, тоже притих, вздрагивала только горячая зола, словно оба хотели услышать ответ бабушки.

— Звучащее слово без мысли — это западня.

И снова пауза.

— Но все в нашей жизни рождается от слова, — задумчивый голос дедушки звучал так, как будто спрашивал, а не утверждал. Не хватало только вопроса-хвостика, как в английском языке в разделительном предложении «не так ли?».

Пауза как-то затянулась, но этого стоило. Ответ бабушки Анна до сих пор помнит:

— Книги, написанные осмысленными словами, — это и есть история человечества.

В комнате наступила тишина.

Анна о чем-то долго размышляла сама с собой, оторвавшись от книги, затем, смотря на красненькие редкие брызги остывающей золы, сказала, не обращаясь ни к кому, а просто в пустоту:

— А мне интересно, у человечества есть прошлое? А оно отличается от истории мира, описанной в школьных учебниках?

Бабушка и дедушка почти одновременно повернули удивленно-восторженные лица к Анне. Анна с еще большим удивлением смотрела на родных.

— Мы восхищены твоим вопросом, родная! Изящество и благоухание образованности человека и начинается с таких глубоких вопросов, любимая!

Глава 2. Основатели рода

Просторная белоснежная кухня приветливо встретила Анну уютом, теплом и особым шармом оформления. Девушка включила чайник, поставила на стол белую чайную пару из китайского сервиза XIX века, фамильной реликвии, которую передавали по линии семьи мамы Анны, Марии Романовны. Забралась на уютный стул у барной стойки с ногами, привычка из детства, и под тихое закипание чайника со стеклянным корпусом, где началось медленное «броуновское движение» пузырьков, погрузилась в приятные воспоминания.

В семье кухню все поколения считали местом теплых разговоров за чашечкой чая или кофе по вечерам, поэтому ее дизайну уже до переезда в квартиру придали особое значение, а при ее оформлении по возможности учитывали пожелания всех членов семьи. Так было всегда, каждое поколение передавало рассказы и даже нереализованные пожелания следующему. Обязательно обсуждался именно дизайн кухни, все остальные комнаты уже были зоной принятия решений той семьи, которая жила в этой квартире.

При подготовке к покупке новой квартиры в строящемся доме, в которой сейчас семья Анны и живет, на семейном совете, обсуждая план размещения комнат, все пришли к единому мнению — в квартире обязательно должна быть большая кухня-столовая. Еще до семейного совета бабушка и мама Анны даже создали приблизительный образ по картинкам из журнала «Наш дом». Анна помнила тот важный день в их уютной старой квартире, в доме рядом с гимназией, где она училась, прямо накануне Нового года.

В день семейного совета к ним уже с утра приехали бабушка Елена и дедушка Роман. Несколько последних лет они жили за городом на большой даче, доставшейся им по наследству от бабушкиного деда, профессора права московского университета, которым в семье очень гордились, а его книги по истории права передавались как реликвия из поколения в поколение. Анна с Вадимом любили, когда приезжали дедушка Роман и бабушка Елена. Внуки всегда с особым трепетом ждали от этих встреч чего-то нового и необычного.

В городской квартире, казалось, происходило феерическое тематическое шоу с шутками, рассказами об интересных событиях из прошлого дедушки и бабушки, которые, как обычно, все выстраивали в вечер вопросов и ответов с обязательным изучением мнения их любимых детей и внуков, которыми они гордились и никогда не скрывали этого, чем очень и очень радовали их.

Бабуля Лена и дедуля Рома, как ласково называли их внуки, и в этот раз приехали со свертком ватманов в тубусе, туго закрученных, перевязанных канцелярскими резинками, и, конечно, фирменным семейным курником, рецепт которого передавался из поколения в поколение в семье бабушки Елены.

Такие семейные советы — дань традиции, зародившейся в семье по маминой линии. О родителях дедушки Романа в семье никогда никто не говорил, но их фотография стояла на столе у дедушки в кабинете. Анна видела в этом какую-то тайну. Но тайну может раскрыть только дедушка Роман. К сожалению, рано ушли из жизни и родители папы Анны, Владимира Михайловича, когда он учился еще в университете. Владимир Михайлович несколько лет работал над фотоальбомом в память о них, и сегодня тот занимал достойное место в семейной родословной.

В семье бабушки Елены и дедушки Романа в альбоме «Наша родословная» с особым трепетом хранился портрет основателя рода Витовских — Леонтия Панфиловича. С фотографии на каждого открывающего этот семейный реликтовый альбом, который ведет уже шестое поколение Витовских, смотрел интеллигентный импозантный человек, в добротном костюме, гладко выбритый, уверенный в себе мужчина с особым шармом пронизывающих глаз. Такие фотографии обычно можно видеть на экспозициях в музеях, где рассказывают об исторических

династиях государств и стран. И когда Анна смотрела на портрет своего далекого статного прапрадодителя, как считалось, основателя их рода, вероятно, только потому, что других более ранних родственников не удалось установить по письменным документам, ей представлялось, что именно о таких людях говорили, как о людях, отличающихся изяществом, блеском и благоуханием образованности. Есть даже во внешности этих людей что-то особенное: или в запечатленном повороте лица к камере на фотографии, или к художнику на картине остаются, как бриллиантовые капельки росы на зеленом листе, те штрихи образованности человека, которые это изящество и благоухание демонстрируют.

Анна улыбнулась себе и тому воображаемому портрету своего прадеда с несколькими приставками «пра», засыпала в заварочный чайник листовой зеленый чай с жасмином, слила первую порцию заварки, как учил ее дедушка Роман, знаток церемонии чаепития с зеленым чаем, а затем заварила и сразу же налила в чашку. Девушка не любила крепкий чай, всегда считала, что аромат жасмина особенно терпкий именно в этой первой чашке легко заваренного чая.

Леонтий Панфилович Витовский, по словам прабабушки Веры, был уникальный человек. В Москву его дед приехал из Сибири, где несколько лет работал на золотых приисках. Вместе с ним переехала небольшая по сибирским меркам семья: мама, его жена с маленьким сыном и два младших брата. С детства он жил в сибирской тайге, где семейные отношения ценились на вес золота: жизнь семьи всегда строилась вокруг ее главы — сначала вокруг деда, затем отца. Когда же отец однажды не вернулся с охоты, старший сын — будущий дед Леонтия Панфиловича, которому в ту пору было всего шестнадцать лет, — взял на себя ответственность за семью.

В тот год в их село стали приезжать новые люди, оказалось, что кто-то привез на большую землю, как называли у них все, что было по ту сторону Уральских гор, золотые камешки и золотой песок, намытый в их речке какими-то «искателями приключений». Никто из местных об этом даже не думал, что их река, в которой в каждое короткое сибирское лето купалась вся деревенская детвора, когда дни выдавались изредка теплыми, а взрослые на лодках и с берега ловили рыбу на пропитание, таит в себе еще и золотые запасы.

Дед Леонтия Панфиловича вместе с двумя братьями — четырнадцати и двенадцати лет — отправился на реку, ранее слыша от взрослых, каким способом можно песок промывать, придумали сито с четырьмя ручками, прибав по бокам две жердины. Первые недели ребята приходили поздно вечером усталые, но довольные, что заняты важным делом, однако никакого песка или камушков в их сите не оставалось. Однажды августовским ранним утром, когда погода в тайге уже стала приближаться к осенней, ребята пришли на свое место, а там уже вовсю трудились трое незнакомых мужчин.

Не стали ребята спорить с «пришлыми пришельцами», а прошли почти километр по реке вверх и начали снова перетирать песок на новом месте. Начало смеркаться, младшие с мольбой в голосе уже просили старшего брата вернуться, закончился хлеб и молоко, которое матушка дала им с утра. Решили, что еще раз помоют песок в своем сите и пойдут домой. Работа спорилась уже быстрее, решение закончить подстегнуло подростков работать поактивнее. Темнота набежала быстро, закончив мыть песок, ребята решили не выбрасывать остатки в сите, а забрать в ведре все домой, а утром еще раз посмотреть.

Рано утром братьев разбудил крик матушки. Все трое вскочили и выскочили во двор, на ходу пошибав все ведра в сенцах. У стайки, где семья держала коров и свиней, они увидели матушку, что-то растирающую на своих ладонях. Солнце уже начало выходить на горизонт, и первое, что увидели мальчики, — изумленное лицо матушки и блестящие точки на ее раскрытых ладонях. Золото! Это действительно были песчинки золота. Матушка тихо села на еще зеленую траву, заплакала и обняла присевших рядом сыновей.

— Когда-нибудь и вы сможете пойти в школу и стать учеными. Ваш папа мечтал дать вам всем образование. Я буду самой счастливой мамой на свете, когда мои дети станут учеными и богатыми.

— Обязательно, матушка, — в один голос слились голоса мальчиков, в которых звучали и сила, и воля, и желание.

Мальчики крепко обняли матушку, и каждый всей душой принял это решение — обязательно сделают маму счастливой и получат достойное образование!

Из уст в уста передавали в семье Анны историю переезда через десять лет после этих событий семьи Витовских в Москву, на возах с узлами и большим черным баулом с коваными ручками по бокам, как сибирской реликвией, которую хранили в своей сибирской избе с незапамятных времен. Поговаривали в селе, что жил когда-то в этих краях и дружил с кем-то из семьи Витовских какой-то непростой ссыльный. Почему непростой? Потому что в селе звали этого человека — Профессор. Прозвище это дали местные за слишком, как они полагали, городской и ученый вид, костюм, который он носил, и необычную обувь, в которой в селе никто не ходил.

В селе в теплое время повседневной обувью для мужчин, а иногда и для женщин, выступали чирки́ (черки), которые изготавливались из кожи с войлочной оторочкой (опушень), через который продевался шнурок и фиксировал обувь на ноге. Зимой сибиряки обычно ходили в чирках с голенищами, которые называли сибирские сапоги, названий у них было много и зависело от той территории, на которой жили люди. Были и унты, и валенки, и духту́и (своеобразные меховые галоши). История сибирской обуви была такая большая, что пересказать невозможно. А эту информацию дедушка Роман однажды записал из воспоминаний прабабушки Веры. Анна эти записи часто читала, когда училась в школе. А именно тот самый непростой человек — некий ссыльный по прозвищу Профессор — носил высокие кожаные коричневого цвета ботинки на шнуровке, с толстой подошвой.

Имен уже тогда никто и не помнил, однако то ли миф, то ли быль любили пересказывать, особенно когда в село приезжал кто-нибудь новенький, что тоже было редкостью, но особым праздником. И первое, что рассказывали сельчане, так это о Профессоре в необычных ботинках и о его черном большом бауле; считали всю эту триаду местной достопримечательностью. Баул и вправду, по описанию рассказчиков, был необыкновенный, на его крышке был выбит какой-то герб, красивый и величественный. Никто не знал, что это за герб и его историю. Однако уже это придавало сказочности и таинственности этому баулу, но то, что было внутри, поражало воображение каждого, кто это видел: внутри баул был отделан какой-то очень красивой темно-синей обивочной тканью, похожей и на шелк, и на бархат. А по центру внутренней крышки искрилась изумительная вышивка золотыми нитками.

После рассказов бабушки Анну заинтересовала эта история с появлением баулов в России. Ей удалось собрать немного информации, и то в предположительном ключе. В различных письменных источниках она прочитала, что в настоящее время считается, что термин «баул» мог быть как итальянского, так и французского, так и тюркского происхождения. В таких случаях бабушка Елены обычно говорила «любого языка».

Анна просмотрела информацию в интернете и узнала, что в собрании Государственного исторического музея есть экземпляры нескольких баулов: сундука-баула, большого баула, у которого корпус не овальный, а почти цилиндрический, баул резчиков из Архангельской губернии XVIII века и баул начала XX века.

И вот в один из выходных дней вся семья отправилась на экскурсию в Исторический музей. Один из любимых музеев бабушки и дедушки. У них была большая коллекция книг, посвященная его истории и коллекциям. В прошлом году на юбилей семейной жизни Анна с родителями подарили бабушке Елене и дедушке Роману двухтомник дневника Алексея Васильевича Орешникова, известного среди специалистов музейного работника, историка, нумиз-

мата и коллекционера, сотрудника Исторического музея с 1885 года (сначала внештатного — не дворянского рода был по происхождению, однако уже с 1887 года — штатного сотрудника). Бабушка и дедушка считают этот двухтомник своим достоянием и самым ценным в их семейной коллекции.

Анна помнила свою первую экскурсию в Исторический музей еще в десятилетнем возрасте, которая оставила неизгладимый след в мироощущении Анны истории своей Родины: от стоянок древних людей до эпохи Романовых. В тот день Анна с бабушкой и дедушкой посетили только основную экспозицию, несколько залов. На дедушку особое впечатление произвела сабля Минина и Пожарского; бабушка была в восторге от глобуса Петра I; а Анна долго еще после экскурсии находилась под впечатлением письма 9-летнего Петра I матушке царице Наталье Кирилловне, в котором Петр сообщал матушке о своем здоровье и просил ее благословения. Для Анны это письмо стало примером теплых семейных отношений в царской семье и обстановки, в которой рос будущий император.

Анна вместе с семьей еще несколько раз посещали музей, где проводили часы прекрасного общения с прошлым. Так и в этот раз экскурсию с конкретной целью они провели вместе с Вадимом, интерес к истории семьи у брата и сестры был общий и неподдельный. Среди баулов, которые им удалось посмотреть в этот день, очаровал их сундук-баул, который представлял из себя продолговатый деревянный сундук со скругленными углами, и в описании было указано, что он обит коровьей кожей, окован гладкими лужеными железными полосами. По мнению составителей описания, этот баул служил для перевозки одежды. Анна с Вадимом предположили, что именно таким мог быть баул, который везли из Сибири их основатели рода.

Уже здесь, в музее, они узнали, что редкий экземпляр баула представлен и в экспозиции Русского музея в Петербурге. Молодые люди сразу решили: при первой же поездке в город они непременно посетят музей, чтобы увидеть этот уникальный баул. И свое намерение они осуществили при первой же возможности. Сказать, что баул им понравился, значит, не сказать ничего. Он по-настоящему очаровал их, как очаровывают встречи с прекрасным и вдохновляющим, те редкие мгновения, что оставляют глубокий след, словно гипсовый слепок.

Баул поражал своей изысканностью: мастерски выполненная оковка придавала ему легкость и декоративность. Его деревянная поверхность была обтянута черной кожей, а на ажурных металлических полосах тянулся орнамент в восточном духе, так называемые «огурцы».

После посещения Русского музея Анна и Вадим были в некотором смятении: какой же баул все-таки был у их прародителя? А затем просто решили, что он мог быть любым, в настоящее время он просто составлял ту ценность семьи, вокруг которой что-то сокровенное объединяло всех членов как элемент памяти, оставшийся в каждом, как символ их «переезда» в новую жизнь. Такие символы в семье — есть элемент процветания и обновления, успеха и объединения.

Хорошее изобретение в мире — интернет. Анна с братом часто спрашивали бабушку и дедушку, родителей, как они вообще жили без интернета? Сколько подсказок и советов можно выбрать для себя от случайно вспыхнувшего в одно мгновение на экране или объявления, или посещения какого-то тематического сайта, или маленькой подсказки в какой-то на первый взгляд незначительной фразе или даже слове. Так случилось и у Анны, когда однажды она увидела на экране или просто выхватила взглядом из общего текста слово «родословная». Ввела в поиск и погрузилась в чтение того, что предлагал интернет. В одном из текстов она нашла совет: ищите родственников по метрическим и приходским книгам — именно они первые источники генеалогической информации для составления родословной.

О своей находке она немедленно сообщила и родителям, и дедушке с бабушкой. В субботу все собрались за столом в гостиной еще старой квартиры, обсудили свои возможности, и бабушка с дедушкой взяли на себя основную часть работы по поиску и запросу данных своих прародителей. Работа ведется до сих пор, к ней активно присоединились и родители Анны,

несмотря на свою занятость на работе. Книги эти, как прочитала Анна в этом прекрасном обширном интернете, начали вести официально в России только при Петре I, в начале XVIII века, поэтому узнать более ранние ветви родословной представлялось с трудом. Кроме того, оцифровывание книг происходит постепенно и очень медленно.

Пока удалось получить информацию по трем представителям рода, а по младшему брату Леонтия Панфиловича — фотокопию уведомления о приеме раненного или больного, поступившего с театра военных действий. Речь шла о рядовом Селенгинского полка, прибывшем в один из лазаретов Самарской губернии по ранению в ноябре 1915 года. А вот о дальнейшей его судьбе семья девушки в настоящее время пока не имеет информации и поиск продолжает.

В поисках узнали и о трагической судьбе еще одного близкого родственника, папы мужа прабабушки Веры, который по документам, полученным семьей в 1943 году, пропал без вести во время Сталинградской битвы, однако, как оказалось намного позднее, в Сталинградской битве он действительно участвовал до октября 1942 года, а по неизвестным семье до сих пор причинам в одном из оцифрованных документов они прочитали в графе «выбыл»: статья 58 п. 10 УК РСФСР (высшая мера наказания). В конце 1990-х годов папа мужа прабабушки Веры был реабилитирован.

Но есть для Анны еще одна семейная тайна, которая не дает ей покоя. Однажды она спросила бабушку, почему они все знают о ее родителях, но ничего не знают о родителях дедушки Романа. Бабушка долго смотрела на внучку, затем слезы градом полились по ее щекам. В комнате было так тихо, что слышно было тиканье часов на стене. Слезы текли по красивому лицу бабушки, но она молчала. Анна в первую минуту испугалась, прижалась к бабушке, но и она, плотно сжав губы, не могла нарушить эту «гремящую» тишину. Анна даже не помнила, как долго они стояли, прижавшись друг к другу. И вдруг бабушка неожиданно тихо-тихо произнесла:

— Любимая, дедушке всегда очень тяжело говорить о событии, которое произошло с его родителями. Только поженились твои родители. Отшумела красивая студенческая свадьба. Давай, Анюточка, сядем на диван и, наверное, уже пришло то время, когда я должна тебе это рассказать, — бабушка обняла Анну. — Дедушка в этот день работал в редакции, готовилась к изданию его очередная книга. Анна с бабушкой уютно устроились на диване у камина. — После свадьбы Машеньки и Володеньки мы все вместе спланировали заранее, что полетим в Испанию, но у каждого был свой маршрут до общей встречи в Барселоне, а затем совместный перелет в Ниццу, где у дедушки с бабушкой на берегу моря была квартира. Молодоженам мы подарили путевку в Барселону с осмотром всех достопримечательностей, которые они мечтали увидеть, особенно саму Барселону, места, связанные с именем испанского художника Сальвадора Дали, больше всего Машенька мечтала посетить Театр-музей Дали в Фигерасе, расположенном тоже в Каталонии, а также съездить на гору Монсеррат. Мы такую путевку им и подарили, — бабушка, казалось, вспоминала эти события, особенно свадьбу и выбор маршрута свадебного путешествия дочерью Машенькой и ее мужем Володей, как то светлое и радостное событие, которому радовались они все вместе — и бабушка с дедушкой, и его родители, и молодожены. — А мы с дедушкой Ромой сразу летели из Москвы в Валенсию, мы давно планировали посетить этот город, а затем уже должны были вернуться в Барселону, чтобы встретиться всей семьей и полететь в Ниццу. А вот, — голос бабушки слегка дрогнул, но она быстро взяла себя в руки и продолжила, — родители Ромушки решили исполнить в это же время свою давнюю мечту: совершить морской круиз по Средиземному морю. Как они радовались, когда Рома вручил им путевку в круиз! Это было еще за несколько дней до свадьбы Машеньки. Их морское путешествие начиналось из Неаполя. Из Москвы они летели в Рим, откуда с группой они должны были ехать на скоростном поезде до Неаполя. Мама нашего дедушки, Екатерина Васильевна, бывшая балерина, как девчонка прыгала от радости, делала различные фуэте, батманы и бризе, радуя нас своим мастерством. Папа дедушки Ромы, Михаил

Андреевич, высокий, с красивой сединой, всегда по-военному подтянутый, генерал-лейтенант в отставке, смотрел на жену, не отрывая глаз, с такой любовью и обожанием, что позавидовать мог любой юноша, — рассказывая это Анне, бабушка сама вся светилась от этих дорогих ее сердцу воспоминаний.

— Бабуля, наверно, поездка не произошла по каким-то причинам, — Анна по взгляду бабушки и покачиванию ею головой поняла, что произошло что-то другое, а по накрывшей ее глаза глубочайшей грусти, которая девушке показалась перерастающей в неуспокаивающуюся боль, она поняла, что произошло что-то непредвиденное.

— Анюточка, ту радость родителей дедушки Романа, которую мы видели в тот день, казалось, ничем затмить нельзя. Но жизнь распорядилась по-своему. Мы все вылетали из Москвы в один день. Была суббота. Аэропорт «Домодедово» напоминал огромный зал показа мод, на который собралось множество посетителей. Какие только летние наряды не созерцали мы в лучах яркого солнца, льющегося через большие окна здания, — и в зале регистрации, и в зале вылета! И почему-то наблюдая за всем этим, я неожиданно вспомнила слова Андрея Андреевича Вознесенского, которыми он охарактеризовал аэропорт как «посольство озона и солнца», — в красивых светло-серых, с легкой поволокой глазах бабушки Елены где-то на самом дне засветились огоньки тех добрых воспоминаний о первых моментах событий в аэропорту в тот день много лет назад, когда вся семья была вместе и радовалась тому, что их ждет впереди в эти прекрасные солнечные дни. — Первыми мы проводили в Барселону молодоженов: Машеньку и Володеньку. Счастливые и готовые к первой встрече с историческими достопримечательностями Испании, они расцеловали нас всех и уже через стеклянные двери аэропорта помахали нам из автобуса. Через полчаса объявили посадку на самолет в Рим. Дедушкины родители, как и наши молодожены, светились от счастья. Мы с легким сердцем пожелали им приятного морского путешествия и скорой встречи уже в Барселоне. Еще через час мы уже сами с дедушкой сидели в креслах самолета и с радостью приветствовали своевременный взлет, — бабушка снова задумалась, девушке показалось, что она как будто решала, стоит ли говорить дальше о поездке или сразу перейти к основным событиям, произошедшим через неделю.

По разлившемуся спокойствию на лице бабушки Анна ожидала, что сейчас будет продолжение рассказа.

— Аня, я обязательно расскажу тебе, но не сегодня, все, что произошло. А сегодня я скажу только то, что в Барселону родители дедушки Ромы не прилетели. Мы больше никогда не видели их. Дедушка после всех событий получил инфаркт, но это уже произошло после нашего возвращения в Москву. Должна сказать, что, к счастью, выздоровление и последующая реабилитация у дедушки прошли удачно. Именно по причине перенесенного дедушкой инфаркта мы никогда не ведем разговоров о его родителях. Таково было решение дедушки. Когда мы остаемся вдвоем, дедушка рассказывает мне о многих эпизодах своего детства, и с такой благодарностью и теплом вспоминает о роли родителей в его жизни, что даже в такие минуты он не может скрыть по своим любимым людям тоску, — бабушка уже с каким-то облегчением взглянула на Анну, обняла ее так нежно и заботливо, что девушка вспомнила все то дошкольное время, которое она проводила то на Черном море, недалеко от Сочи, то в Испании, но чаще всего в Ницце во Франции именно с бабушкой Еленой и дедушкой Романом. — А фотография на столе у дедушки в кабинете — это его и наша общая память о его любимых родителях, давших жизнь нашему замечательному дедушке, как о хранителях домашнего очага.

Сколько тайн хранит родословная каждой семьи! Романы писать можно, если все можно было бы узнать. Но век информационный наступил совсем недавно, теперь редко кто не ведет блоги, каналы и оставляет прочие «следы» в паутине интернета и всего информационного пространства. Правда, Анне часто казалось, что всегда человек должен думать, о чем он пишет, что выкладывает в «мировую паутину». Через годы потомки не за все смогут поблагодарить своих

предков, а особенно тех, кто, не задумываясь, сегодня строчит неразумные, оскорбительные и оскорбляющие его самого комментарии к различным постам, видео и прочему творческому началу. Есть такое понятие — стратегическое мышление, всегда надо просчитывать последствия всех своих решений и шагов. Оказывается, и ему надо учиться, чтобы сформировать в себе все эти важные качества собственного мышления.

Глава 3. Семейный совет. Триклиний

Семейные традиции играют важную роль в жизни любой семьи: они помогают ее членам ощущать себя частью чего-то значимого, объединенного общей историей и ценностями; укрепляют эмоциональную связь; создают чувство стабильности, защищенности и уюта. Сквозь все семейные традиции красной нитью проходит самое ценное: воспоминания, эмоции, тепло и неразрывная связь между близкими.

В семье Анны через традиции передавались и передаются важные позитивные установки: уважение к каждому члену семьи независимо от возраста, статуса, его принципов и мировоззрения (уважение всегда считалось основой всех других чувств и состояний, включая любовь); забота близких друг о друге. Семейные традиции делают жизнь их семьи, девушка была абсолютно уверена в этом, теплее и ярче: традиции приносят в жизнь семьи радость и очарование жизнью и друг другом, и объединяют семью в надежную на века теплую и душевную гавань.

Среди семейных традиций в семье Анны одной из главных, определяющих принятие решений, был семейный совет. Эта традиция имела давнюю историю в их роду: как рассказывала прабабушка Вера, и в родительском доме, и позже в семье с прадедушкой Львом Леонтьевичем, все важные решения принимались именно на семейных советах. Их считали не просто способом обсуждения, а настоящим символом единства семьи, проявлением душевного тепла между близкими.

Пока аромат чая наполнял кухню запахом струящегося по комнате жасмина, а сам напиток остывал, Анна продолжила вспоминать тот самый семейный совет, когда решался вопрос покупки новой квартиры, где именно кухня — столовая — стала центром обсуждения.

Семья расположилась в гостиной их бывшей квартиры, единственной большой комнаты, за овальным столом, гордостью семьи, свидетелем истории уже третьего поколения. Где бы ни жили представители семьи Витовских, от сибирской избы до современной квартиры в Москве, большое внимание уделялось уюту. Анна, входя вечером в свою комнату, радуясь встрече с ней, часто цитировала: «Стопка книг... Свет от лампы... Чисто... Притаившийся мой уют» строки поэта Наума Моисеевича Коржавина из любимого стихотворения бабушки Романа.

Для Анны уют в семье и доме — это ощущение спокойствия и тепла, надежды и безопасности, когда, чтобы сказать тепло, достаточно прикоснуться к теплой двери, как у Рэя Брэдли, или почувствовать теплоту отношений в семье; это и теплая ладошка мамы по волосам Анны, и теплый взгляд приветствия папы, когда она приходит домой, и аромат чая с жасмином и бодрящего по утрам кофе с особой обжаркой Mezcla. Уют для Анны, как и для всех членов их семьи, — это живая память о дорогих моментах жизни. Бабушка Елена считала, что универсального рецепта уюта не существует, он у каждого свой, нужно просто уметь прислушиваться к себе. Для нее, как и для бабушки, уют чаще всего заключался в тех же словах из стихотворения: «Стопка книг...».

Бабушка Елена всегда с особым трепетом относилась к чтению книг американского писателя Теодора Драйзера и считала его семейным писателем. Как только в день семейного совета семья собралась вместе по случаю принятия ответственного решения именно по обсуждению оформления новой кухни, первое слово взяла бабушка:

— Начну со слов Теодора Драйзера...

Улыбка озарила лица всех присутствующих. Традиции в семье любили все, у каждого члена семьи были свои особенности начала совета, а бабушкину традицию начинать любой совет именно этими словами считали главенствующей.

Бабушка открыла книгу, которую держала в руках, в специальной «защитной» обложке темно-сливового цвета, похожей на обложку для школьного учебника. Никто не сомневался еще до встречи, что это будет книга Драйзера, но все гадали, что в этот раз это будет за про-

изведение. Надо отметить, что перед каждым советом тайно от бабушки соревновались, кто выиграет. Бабушка в обычной для нее манере, торжественно и с особым шармом, как умела только она, зачитала:

— «Домашний уют — одно из сокровищ мира; нет на свете ничего столь ласкового, тонкого и столь благоприятствующего воспитанию нравственной силы и справедливости в людях, привыкших к нему с колыбели...»

Пауза в этот раз даже как-то необычно надолго затянулась. Молчание семьи, казалось, удивило и бабушку. Она внимательно посмотрела на каждого за столом.

— Роман «Сестра Керри», первый роман Теодора Драйзера, опубликованный в 1900 году. Советую, любимые, прочитать этот шедевр! — она с выражением неоспоримой победительницы завершила свое выступление.

Все с удивлением, но облегченно вздохнули. Бабушка всегда изумляла своей начитанностью. Но в этот раз она превзошла всех: упомянутый роман никто из членов семьи не читал, но каждый уже решил, что это будет первая книга в его списке книг для чтения на ближайшее время.

После бабушки каждый член семьи за одну минуту — таковы были правила, принятые всеми, — изложил свои пожелания в виде короткой мысли, оформленной в виде фразы, предложения, строк из стихотворения или любой книги, но строго по обсуждаемой теме. И только затем началось незабываемое, как всегда, обсуждение. Яркость выступлений каждого затмила презентация дедушки: он подготовил на карточках фразы из произведений классической литературы о значении не просто кухни, а столовой, которая играла особую роль в судьбах семей в различные столетия.

Вся семья следила за чтением этих маленьких отрывков из произведений часто знакомых им авторов, где отражались важные моменты любви жителей усадеб, домов, дворцов и квартир к своим столовым, на которые при прочтении они особенно и не обращали внимания ранее, а сейчас эти описания заиграли особыми красками, оттенками и деталями. И вот последняя карточка просто поразила мудрыми словами китайского мыслителя Лао-цзы, которые на первый взгляд, казалось, совсем не по теме были, однако вся семья зааплодировала любимому дедушке, знатоку восточной философии: «Мудрец отвергает недоступное и занимается доступным».

Уже много позже, также в один из вечеров, Анна читала только что купленную в небольшом книжном магазинчике у здания академии книгу «Письма друзьям» Ван Гога. И неожиданно прочитала в одном из его писем, которое художник написал в 1888 году французскому художнику-неоимпрессионисту Эмилю Бернару: «Я все больше и больше убеждаюсь в том, что качество кухни как-то отражается на нашей способности мыслить и создавать картины». Это было так трогательно, что многие люди, в том числе известные в мире своими творческими свершениями, придавали такое большое значение устроенности и уюту кухни.

А в тот памятный день на семейном совете кто-то один по уже устоявшейся в семье традиции должен был подводить краткий итог всему обсуждению, иногда это делалось фразой, а нередко одним базовым словом. Так было и в этот раз, когда после блистательного выступления дедушки Анны, ее папа, Владимир Михайлович, торжественно произнес: «Триклиний», — и величественно поднял обе руки, как римский император. Затем взял в руки свой телефон и с улыбкой нажал на какую-то кнопочку. И одновременно всем на мобильные телефоны пришли сообщения, в которых было напечатано заглавными буквами только одно слово: ТРИКЛИНИЙ. Такая забота папы Владимира Михайловича и новый элемент, внесенный в уже устоявшиеся традиции, вызвал у всех улыбку благодарности и одобрения этого нововведения.

Владимир Михайлович с детства увлекался историей древнего мира, и в семье, и среди друзей слыл большим знатоком истории и культуры Древней Греции и Древнего Рима. Триклиний, как семья поняла из его объяснения, — это столовая в Древнем Риме, выделенная в

отдельную комнату под влиянием греческой традиции. После этого семейного совета столовую в новой квартире так и называли — Триклиний.

Через год бабушка Елена с дедушкой Романом ездили по туристической путевке в Грецию и купили табличку из мрамора, что и висит в домашнем «триклинии» на самом видном месте, на которой написано *Rax vobis* — с латинского — «мир тебе». Такие слова были начертаны на открытой книге в центре мозаики в Триклинии Льва III, византийского императора первого столетия первого тысячелетия. Знали ли это изготовители таких современных табличек? Однако в семье Анны данная табличка нашла достойное центральное место в их новой столовой.

«Мир тебе» было предназначено любому человеку, входящему в семейный триклиний: членам семьи, гостям. Достойнее приветствия, вероятно, и придумать было невозможно человеку, входящему в дом. «Мир вам и уважение» — так писал прародитель рода Витовских Леонтий Памфилович, заканчивая свои письма к родным, близким и другим уважаемым им людям. И его единственное сохранившееся письмо, которое передается следующим поколениям династии Витовских, бережно хранится сейчас в сейфе у дедушки и бабушки, а копия его висит в рамочке над рабочим столом и бабушки Елены, и мамы Анны, Марии Сергеевны. Девушка с уважением относилась к этой семейной традиции, глядя на каллиграфический почерк основателя семейной династии и уважительное отношение в письме к человеку, которому оно было написано.

Анна еще со школы часто обращала внимание на почерк людей, и было в этом что-то мистическое, раскрывающее внутренний мир человека, его благовоспитанность — высокопарно, казалось бы, на первый взгляд, однако для нее это было погружение в мир другого человека. Почерк основателя династии был настолько каллиграфичен, с особыми вензелями и завитушками, что, даже не погружаясь в текст письма, его читатель сразу проникался к нему глубоким уважением. Послание воспринималось как некое произведение искусства, в котором почтение к адресату струилось и искрилось в красоте и изяществе букв.

Однажды, готовясь к курсовой работе по криминалистике, девушка читала исследование, посвященное определению характера по почерку. Авторы объяснили подобные завитушки признаком независимого мышления. Кроме того, по их мнению, человек с таким почерком не терпит лжи и фальши, ценит других людей за их достижения и сам проявляет изобретательность в любом деле. Вместе с тем исследователи отмечали его стремление к духовным ценностям; любовь и уважение к семье, к домашнему очагу. И как заключительный аккорд, таким людям свойственны сила воли, спокойствие и устремленность. Именно таким по семейным преданиям, передаваемым из уст в уста, и запомнился Леонтий Памфилович, о чем свидетельствует одно из сохранившихся в семье писем.

Надо сказать, что особенности почерка далекого прародителя не передались по наследству его детям, однако каллиграфичность письма выработали самостоятельно все члены его клана. Сохранившееся письмо Леонтия Памфиловича не просто передавали из поколения в поколение, но оно служило и образцом красивого и аккуратного почерка. Бабушка Елена часто приводила в пример слова Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка, любимого русского писателя, из романа «Горное гнездо», что было одно пустое обстоятельство, которое в доброе старое время многих вывело в люди, и это обстоятельство — красивый почерк.

Анна оглядела свой любимый Триклиний. «А ведь как была права бабуля со своим почитаемым Теодором Драйзером», — подумала Анна. Сокровище мира! Для нее этим сокровищем были дом, уважение и любовь близких, тот сокровенный очаг, чьи традиции она впитала с детства, и без которого теперь уже не могла представить свою жизнь. Но все это заключалось не только — и не столько — в продуманном дизайне квартиры и ее обустройстве всем необходимым, хотя и это было важно; главным оставалась та особая атмосфера уюта, которую создали самые близкие и дорогие ей люди.

И снова рядом завибрировал телефон. Анна взглянула на экран — любимые «Дачники»: это было сообщение организованного дедушкой Романом группового домашнего чата. «Пусть дни бегут, и время медленно проходит, но ты и мы в одной душе всегда живем». Такие сообщения в пятницу Анне придумывает вся семья по коротенькой строчке или даже слову. У нее уже накопилась целая записная книжка таких строчек, дышащих даже с экрана телефона теплом, уважением и любовью.

Эта новая семейная традиция началась как-то случайно, когда Анна впервые, где-то года полтора-два назад, не поехала в пятницу с родителями и Вадимом к бабушке и дедушке на дачу за город. В субботу у нее предстояла защита реферата по теме «Международное гуманитарное право и проблемы правового суверенитета государств». Реферат она защитила на отлично, а ее работа была рекомендована к печати в международном правовом журнале. Выступление Анны было запланировано на пленарное заседание, поэтому требовало от нее тщательнейшей и глубокой проработки.

Конечно, дачей в семье называли не просто маленький домик, а добротный загородный дом, где бабушка и дедушка жили круглый год. А история у этой усадьбы, как любила вспоминать бабушка Елена, была особенная. Когда-то на этом участке загородной земли стоял большой бревенчатый дом прадедушки и прабабушки, построенный еще в середине XIX века. И не Москва это была, а если говорить современным языком, то близкое Подмосковье.

Анна смутно, но помнила этот большой «некупеческий дом», как называла его прабабушка Вера. Однажды уже в новом доме девушка спросила у бабушки Елены, почему прабабушка так его называла. Оказалось, что прабабушка Вера когда-то в юности дружила с кем-то из дальних родственников Елизаветы Дьяконовой, автора известного «Дневника русской женщины». Когда ее подруга из купеческой семьи, та самая дальняя родственница, впервые пришла к ней в гости, то она сравнила дом бабушки с домом своих родственников, в котором она и сама жила в детстве, назвав его «абсолютно некупеческим», что для самой прабабушки Веры стало непонятным: а почему ее дом должен быть купеческим? Или это была похвала, что он «абсолютно некупеческий», или просто подруга была чем-то разочарована, прабабушка Вера так и не узнала.

Прабабушка Вера воспиталась в семье ученых, училась в Московском женском медицинском институте. Она отличалась деликатностью и никогда не ставила других в неловкое положение своими вопросами. И когда она впервые прочитала дневник Елизаветы Дьяконовой, то поняла, почему ее подруга назвала дом «абсолютно некупеческим». Постройка самого дома была выполнена в стиле большой сибирской усадьбы, сказывались корни прародителей. Купеческие дома в Москве чаще всего были двухэтажные: на первом этаже размещали конторы или лавки, а наверху — жилые помещения. А кроме того, отношение у купцов к образованным людям было, как отмечала в дневнике Елизавета, особое, они насмешливо называли образованных людей «умными». Может быть, и поэтому прабабушка Вера долго не могла понять высказывание ее подруги, но сама так и стала называть свою усадьбу «некупеческим домом», и никогда так и не понимала, то ли в величие своего большого дома, то ли с юмором в адрес подруги. Но после этого случая с подругой они как-то потерялись, а название дома у прабабушки Веры закрепилось надолго, даже правнучке передала по наследству.

А современный дом был построен уже в конце прошлого, XX века, и дедушка с бабушкой первоначально переехали в него из своей московской квартиры как бы на теплое время. Но есть такое мнение, что у времени скорость неодинаковая, так и в этом случае — теплым временем у них стал круглый год. И сегодня вся семья с пятницы до понедельника приезжает в дом, где уютно трещат дрова в камине, гордости дедушки, который был построен по его личному проекту, но с учетом чертежей и дизайна старинного камина, который остался на одной из первых семейных фотографий в московском доме Витовских середины XIX века.

Анна любила старинную мебель. Девушка считала, что она создает ощущение тепла и надежности и способна привносить в дом атмосферу истории. Именно она играет уникальную роль в создании домашнего уюта и сохранении семейных традиций. У каждой вещи есть своя единственная история, особенности ее фурнитуры, изящных ручек, особой резьбы. Анна всегда была почитательницей старинных письменных столов, секретеров и конторок. В любом музее мира, который она посещала, внимание девушки привлекали эти предметы искусства точно так же, как и картины, и другие старинные предметы. Это было познание истории различных эпох, жизни людей в атмосфере, полной неизведанных чувств и эмоций. Того времени, когда ручкой писали бумажные письма, вели дневники, с любовью распределяя все написанное по ящичкам, люди долго хранили в них тайны вечной любви к миру, в котором жили. У Анны эти встречи в музеях всегда оставляли в душе чувство красоты, комфорта и блеска благовоспитанности и образованности их хозяев.

С самого утра сегодня Анна чувствовала себя во власти прошлых воспоминаний, может быть, поэтому она так любила эти свои «пятничные уединения». Сама она безмолвствовала в течение дня, но всей душой принимала участие в своих внутренних монологах. Ее «внутреннее я» стремилось в любое, как оно само считало, «свободное» время у Анны настоящей завести с нею разговоры. У кого-то все это происходит во снах, когда человек в этом самом сне понимает, что, например, как рассказывал ей однажды папа, он уже взрослый, у него взрослые дети, а вот его — плачущего — молодые еще родители ведут утром в детский сад, потому что из домашней маминой шкатулки исчезла почти половина брошек с «чешским стеклом», и он час назад честно признался, что раздарил их друзьям в своей группе. Ребенок плачет уже даже не от того, что он забрал из шкатулки эти драгоценные для мамы брошки, потому что он был уверен, что их у мамы и так много, а потому, что он видел, как радовались его друзья вчера, ему было стыдно, что он их огорчит.

Почему так случается в жизни? Анна понимала, что во снах людям снится все пережитое, потому что современные исследователи мозга часто говорят, что мозг не решето, и в нем все оседает. Вероятно, по этой же самой логической причине и наше «внутреннее я» выскакивает из каких-то уже пережитых моментов и требует к себе нашего внимания. Но Анна четко осознавала, что это «внутреннее я» явно не одно. Оно как Шалтай-Болтай, то в одну сторону поведет, то в другую. Анна верила, если занять свой мозг делом, то и разговаривать будет не с кем. Анна жила в реальном мире научного познания мира, но этот внутренний шатун — ее собственное мышление — как-то неистово любил эти разговоры с самим собой. И она всегда, если и «позволяет» себе послушать его, то сама управляет всеми разговорами. У нее всегда один алгоритм действий в таких случаях: «Остановись! Помолчи! Подумай! Помолчи!».

Девушка резко открыла глаза. «Так это сон, и он меня окутал даже совсем незаметно. Бегом в душ!» — Анна уже скрылась за дверью ванной комнаты.

Из ванной Анна посвежевшей, ее окончательно разбудили потоки воды, гель для душа и шампунь с приятным ароматом ванили и кофе. Прошла в свою комнату и уже через несколько минут сидела за уютным столом в своем знаменитом семейном Триклинии — уютной кухне-столовой.

В тот же самый день, когда бабушка Елена вечером у камина рассказывала Анне о таинственной судьбе родителей дедушки Романа, но неожиданно отложила свой рассказ, дверь в комнату девушки тихо открылась. Анна уже собиралась выключить свет и лечь спать, когда увидела вошедшую бабушку. Елена посмотрела ласково, погладила внучку по волосам и села рядом.

— Анюточка, я посижу с тобой? Дедушка уже уснул, долго был в издательстве, затем ехал по вечерним пробкам.

Девушка подвинулась, предложила бабушке сесть поудобнее.

— Родная, что-то не дает мне покоя, я должна рассказать тебе все. Это приведет и мое раскочавшееся сердце в равновесие, — снова наступила знаменитая короткая, но емкая по значению бабушкина молчаливая пауза. — В Барселоне мы так и не встретили родителей дедушки. Прилетели мы с дедушкой, встретились с Машенькой и Володей, а родители перестали выходить с нами на связь за несколько дней до своего прилета к нам из Рима, где должен был завершиться круиз. Начало и завершение круиза было в одном городе, как шутил Михаил Андреевич, папа дедушки: «Плывем по Римскому кольцу». В тот день в аэропорту Барселоны нас встретили молодожены — радостные, веселые, переполненные впечатлениями и эмоциями. Мы устроились за столиками в кафе аэропорта: и наши мужчины вскоре принесли круассаны и горячий кофе. В это время у дедушки раздался сигнал пришедшего сообщения: «Перезвоните в турагентство по номеру».

— Бабуль, а вы еще ничего не говорили маме с папой, что родители дедушки уже несколько дней не выходят на связь? — поинтересовалась Анна, давая бабушке Елене небольшую паузу.

— Нет, Анюточка, у нас абсолютно не было никакого плохого предчувствия. Мы полагали, что что-то случилось с телефоном. Да мало ли что могло быть и со связью. Двадцать лет назад все еще было не так стабильно, как сейчас. Дедушка отошел от столика и позвонил по номеру. Через несколько минут он подошел к столу — взволнованный, но по-мужски сдержанный. Минута паузы и короткие, емкие слова: «Вылетаем в Москву. Срочно идем в кассу. Должны успеть. Самолет через пять часов».

— Как, бабуль? — вопросительно-непонимающе воскликнула Анна. — Родители же без вещей, как я поняла, все в гостинице?

— Тише, тише, моя красавица, дедулю разбудим. Не спеши, все по порядку. Билеты мы купили быстро, они, оказывается, уже были забронированы из Москвы турагентством. На арендованной молодоженами машине вернулись в гостиницу, быстро собрали их вещи и обратно. Сдали машину уже в аэропорту. И вот мы уже в самолете.

— Бабуля, — уже тихим голосом спросила Анна, — а дедушка рассказал вам, что ему сообщили в агентстве?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.